

Ганс-Ульрих фон Кранц
Демоны со свастикой:
черные маги Третьего рейха
Серия «Лабиринты истины»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495369
Демоны со свастикой: оккультные тайны Третьего рейха: Вектор; СПб.; 2009
ISBN 978-5-9684-1224-9

Аннотация

В новой книге Ганс-Ульрих фон Кранц продолжает знакомить читателей с результатами своих исследований загадочных сторон истории Третьего рейха.

Во что верили нацисты? Как объяснить ту безграничную власть над умами и настроениями немцев, которой обладал Гитлер и его приспешники? Какие темные силы, берущие начало в глубинах прошлого, поддерживали фашистских вождей? Автор снова привлекает наше внимание к загадочным событиям времен Второй мировой войны.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Содержание

Слово к читателю	4
Глава 1	6
На голубиных лапках	6
Ночная чертовщина продолжается	8
Визит к врачу	10
Работает «Тор»?	13
Слово – скептикам	18
Глава 2	20
Руна нашлась!	20
Одна забытая религия	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ганс-Ульрих фон Кранц Демоны со свастикой: окультизм тайны Третьего рейха

Слово к читателю

Дорогие читатели, не приходилось ли кому-нибудь из вас чувствовать, что вы сходите с ума? Что привычный мир рассыпается, словно карточный домик, а за ним стоит нечто бесформенное и пугающее? Мне пришлось испытать все это сполна. Не скажу, что это были приятные ощущения.

В своей предыдущей книге, посвященной деньгам Третьего рейха, я опрометчиво признался, что считаю интересной тему мистических тайн СС и нацизма вообще. И это действительно так. Однако я вовсе не предполагал, что в скором времени вплотную и очень серьезно займусь этой темой. Видимо, тайны, устав ждать того дня, когда у меня дойдут до них руки, сами пришли ко мне, бесцеремонно вторгнувшись в мою жизнь.

Публикуя эту книгу, я снова сильно рискую. И вовсе не тем, что меня отправят на тот свет. Скорее всего, этого не произойдет. На этот раз я рискую собственной репутацией здравомыслящего, рационального человека, да и репутацией просто психически здорового человека, что, признаться, для меня лично даже придает этой ситуации некую новизну. Поспешу заверить: психически я вполне здоров – насколько это понятие вообще применимо к современному человеку.

Я уже говорил, что пишу об этом не ради денег. А эту книгу я написал даже не в память своего отца: о том, что касалось непосредственно его жизни и работы, здесь не так и много. Прежде всего я хочу рассказать людям правду, которую сам предпочел бы не знать. Но правда сама настойчиво постучалась ко мне. Разумеется, это была далеко не вся правда, преподнесенная на блюде, а лишь начало истории, которую мне пришлось распутывать уже ради самого себя. Ведь одно дело – рассуждать о том, что произошло где-то когда-то и с кем-то, сидя в уютном кабинете или перелистывая старые документы в архиве. И совсем другое – искать ответ на вопрос, который внезапно стал касаться тебя лично. Именно поэтому тон этой книги будет несколько отличаться от всех предыдущих.

Кто я такой и почему сую свою голову в петлю? Об этом я уже писал в предисловии к своим предыдущим книгам, но, думаю, каждый читатель вправе иметь необходимую информацию об авторе, чтобы решить, стоит ли ему доверять. Я не принадлежу к славной когорте профессиональных историков, тем не менее смею утверждать, что знаю побольше многих из них. Родился я в 1950 году в Аргентине. Мой отец эмигрировал (вернее сказать – бежал) сюда из Германии после Второй мировой войны. Дело в том, что он был офицером СС. Но не тем, кто стоял на сторожевых вышках многочисленных концлагерей. И не тем, кто сражался на фронте в составе элитных частей. Когда нацисты пришли к власти, мой отец был молодым, подававшим большие надежды ученым, занимавшимся историей и традициями древних германцев. Достаточно быстро все эти исследования забрало под свое покровительство всемогущее СС Генриха Гимmlера. Перед моим отцом встал очень простой выбор: либо стать эсэсовцем, либо отказаться от изучения любимой темы. Он выбрал первое. Как показала история, это был неверный выбор – но можно ли сегодня обвинять его в этом?

Наверное, именно нежелание отца рассказывать о своем прошлом, равно как и о Третьем рейхе вообще, постоянно подогревало мой интерес к этой части германской истории. Еще в студенческие годы я жадно читал книги, посвященные гитлеровской Германии и Вто-

рой мировой войне, но ни в одной из них мне не удалось прочесть о том, о чем поведали мне документы, найденные после смерти отца в металлическом сейфе, который с незапамятных времен хранился на чердаке нашего дома.

Эти бумаги, свидетельствующие о самых загадочных сторонах истории Третьего рейха, и заставили меня взяться за исследования. Из них я узнал о неизвестных мне ранее шокирующих вещах: о таинственном проекте «Аненербе» («Наследие предков»), о связях нацистского руководства с оккультными силами, о секретной антарктической базе, о прорывных научных исследованиях, результаты которых не были превзойдены даже двадцать лет спустя после окончания войны... Их держали в секрете как побежденные, так и победители. Эти тайны были способны полностью изменить, просто взорвать наши представления о нацистской империи. Ведь долгое время историки внушали нам образ нацистского режима как полного банкрота, потерпевшего крах во всех своих начинаниях. Возможно, на каком-то этапе это было правильным, но нельзя же десятилетия подряд кормить людей одной и той же сказкой! На самом деле этот чудовищный, демонический, преступный режим в некоторых областях достиг таких успехов, которые и не снились остальному человечеству. Об этом ясно говорили, буквально кричали документы, доставшиеся мне в наследство.

И я начал расследование, которое длилось двенадцать лет. За это время я многократно рисковал своим добрым именем и даже жизнью, а вот теперь – и своим психическим здоровьем. Но, оглядываясь назад, я не жалею о том, что избрал этот путь, и надеюсь, мои усилия не пропадут бесследно.

Третий рейх был самой ужасной, жестокой и бесчеловечной диктатурой в истории человечества. Именно поэтому нельзя фальсифицировать его историю, нельзя преуменьшать успехи, которых удалось добиться гитлеровской клике. И тем более нельзя замалчивать те силы и возможности, которые стояли за нацистами, – пусть они и не были раскрыты и использованы в полной мере. Ведь это могли быть и, скорее всего, действительно были бесконечно могущественные силы, хотя и не изученные по сей день, силы, которые практически никто в ученом мире не воспринимает всерьез. А может быть, это сделано намеренно? Разве кто-нибудь станет искать то, во что никто не верит, или то, что все ученые считают вздором?

Так верить или нет? Я сделал для себя свой выбор, а вы делайте свой. Ведь всегда достаточно света для тех, кто хочет видеть, и тьмы – для тех, кто не хочет.

Глава 1

Сны из ниоткуда

На голубиных лапках

Старая индейская поговорка гласит: «Великие события приходят на голубиных лапках». Действительно, вначале все кажется простым, обыденным, и мы даже не подозреваем, на пороге чего стоим. И чем больше книг мы прочитали, тем больше, кажется нам, мы знаем о том, как устроен мир. Поэтому новый день – тот, который раз и навсегда изменит нашу жизнь, перечеркнет все известные нам правила и поставит все с ног на голову, – сначала выглядит точно так же, как и предыдущий. Ничто не предвещает перемен – или просто мы, заострившие в своих привычках, не замечаем и не хотим замечать того, что великое событие уже на пороге и не заставит долго себя ждать.

Тем вечером я поздно лег спать. Днем, как обычно, я много работал с документами и порядком устал. Собиралась гроза, воздух был густым и душным, и спать было решительно невозможно. Накануне знакомый издатель подарил мне недавно выпущенную им книгу рассказов Хулио Кортасара, и в тот вечер я решил, впрочем, как и всегда, что чтение – лучшая замена несостоявшемуся сну, и погрузился в необычные миры, подчиненные своим особым странным правилам, описанные на прекрасном испанском, что доставляло мне особенное удовольствие. К половине третьего ночи духота в комнате начала спадать, и я стал клевать носом, поминутно забывая, в какой именно комнате сейчас находится тигр¹. Уснул я под далекое громохание и шум дождя – прекрасное время для сна.

... Очень не люблю падать во сне, когда в крошечной темноте летишь вниз, не видя вокруг себя ни одного ориентира, и ждешь, что вот-вот сейчас больно ударишься, а на самом деле за несколько мгновений до этого просыпаешься. На этот раз я не проснулся, а больно ушибся спиной об острые камни. Наверное, я упал с небольшой высоты, иначе переломал бы себе все кости – или у таких снов другая логика? Я поднялся и огляделся. Я находился в тускло освещенном помещении с низкими сводами, похожем на широкий короткий коридор. В стенах, примерно друг против друга, на расстоянии пары шагов темнело несколько грубых деревянных дверей на толстых уродливых металлических петлях. Пол был сделан из песчаника и выщерблен по направлениям из одной двери в другую – видимо, помещение и в самом деле было коридором. Некоторое время ничего не происходило, в воздухе не чувствовалось никаких запахов, не слышалось никаких звуков, никто не появлялся из дверей. Но, неизвестно почему, я знал, что это лишь ожидание чего-то по-настоящему большого и страшного. И вот я почувствовал, как по моим босым ногам потянуло сквозняком, а значит, приоткрылась одна из дверей. Я обернулся.

По всем законам страшного сна я должен был закричать от ужаса и немедленно проснуться. Уже во второй раз за этот странный сон, который вовсе не выглядел как сон, мне хотелось немедленно проснуться, пусть в холодном поту и в начинающейся лихорадке, но в своем привычном доме в своей постели. Одна из дверей позади меня была приоткрыта. Боковым зрением я заметил, как в коридор проскользнуло что-то небольшое и темное и устроилось в одном из углов. Время еще больше замедлилось, воздух словно сгустился, появилась напряженность. И тут стало происходить то, чего ждал и я, и существо в углу. Дверь

¹ Речь идет о рассказе Хулио Кортасара «Зверинец», в котором по большому дому бродил тигр, и никому нельзя было оказаться вместе с ним в какой-либо из комнат. (Прим. перев.)

открылась еще шире, и в дверном проеме я увидел высокую сутулую фигуру человека, закутанного в темный дерюжный плащ с капюшоном. Лицо было скрыто в тени, и мне почему-то казалось, что если я подойду и вгляжусь в эту тень, то не увижу ровным счетом ничего, поэтому мне вовсе не хотелось этого делать. Руки человека были скрещены на груди, да и вся его поза являла собой непоколебимое величие и уверенность в важности происходящего. Но я чувствовал, что это была уверенность не господина, а слуги.

Происходящее было более чем странным и малореальным, однако я прекрасно понимал, что вижу все это во сне – а ведь сон обычно не воспринимается как сон. Я помнил, как накануне собиралась гроза, как я читал Кортасара, как затем лег спать под шум дождя. А потом я оказался здесь, свалившись буквально с потолка в это странное каменное помещение без ламп и факелов, освещенное непонятно откуда багровым мутным светом. Я никак не мог проснуться, хотя мне казалось, что я буквально балансирую на грани сна и яви. Усилием воли мне удалось вспомнить и почти приблизить к себе полосатые обои на стене в спальне, отвернувшись к которым я в ту ночь заснул, – я очень хотел проснуться. Стена спальни проявлялась, как изображение на фотографии, сквозь толстые деревянные доски двери, а потом снова таяла.

Я почувствовал, как стремительно иссякают мои силы, и оставил попытки вернуться в явь. «В конце концов, это сон, – сказал я себе, – и к утру от него, скорее всего, не останется даже воспоминаний». Жуткая фигура стояла не шелохнувшись, но мне казалось, что человек – если это и вправду был человек – внимательно рассматривает меня. Затем я услышал:

– Выход за каждой из дверей, если ты хочешь.

Это был низкий, глухой голос. Я думал, что говорила фигура, но голос словно бы шел отовсюду сразу.

– За каждой из дверей, – повторил голос, – но только за одной – ВХОД.

Слово «вход», без сомнения, было произнесено с особой интонацией.

– И достаточно на первый раз.

По неясной для меня причине я порывисто сделал шаг к двери, к багрово освещенной изнутри фигуре, но дверь захлопнулась прямо перед моим носом, и все исчезло...

Ночная чертовщина продолжается

Утро было хмурым, крошечные капли дождя висели в воздухе – словно и не падали, без всякого движения. Надо было продолжать работу с документами, но я чувствовал себя совершенно больным и разбитым. Из головы не выходила багровая фигура, особенно последние слова насчет «первого раза». Сон был настолько отчетлив, какой порой не бывает и реальность, – и значит ли это, что будет и «второй раз»? И хотя я всегда отличался здравомыслием и никогда – суеверием или излишней экзальтированностью, весь день мне было не по себе.

Обычно я сплю без снов или же мне снится детство. К вечеру того дня я был настолько вымотан, что ожидал провести ночь в невыносимых попытках перестать ворочаться в душной постели и уснуть. Но только я закрыл глаза, повторяя себе, что сны – это всего лишь сны, и ничего более, как тут же провалился вниз. То есть упал на тот же самый пол из грязного песчаника в том же самом коридоре.

«Вот и второй раз», – подумал я, повинувшись инстинкту исследователя, который, к счастью, не оставил меня и во сне. В конце концов я решил выяснить, что это за место и что здесь происходит. Раз уж мое подсознание вновь забрасывает меня сюда, с этим нужно что-то делать, черт возьми! Может, оно хочет мне что-то сказать? Я не верил в вещие сны, но в пользу сновидений верил.

В любом случае следовало действовать уже более основательно, а не просто стоять и озираться по сторонам. Поскольку все двери были похожи одна на другую, поэтому ту, из которой в прошлый раз вышла фигура, я, конечно же, не запомнил. Пришлось открыть первую наугад. Я потянул дверь на себя, и она подалась на удивление легко, а вот за ней...

За дверью была очень старая, но ровная и плотная кирпичная кладка. Такая, что сквозь нее и мышь бы не пролезла. За второй дверью оказалось то же самое. И за третьей. И за всеми другими, которые я открыл, а всего их было не больше полутора десятка. Я был замурован в этом коридоре без воздуха и выхода. Оставалось только перевести дух и попытаться вспомнить еще раз ту из дверей, в проеме которой я видел фигуру.

И все-таки здесь было что-то еще. К ощущению того, что я в коридоре не один, я привык почти сразу. Темное нечто каждый раз оказывалось за моей спиной, в какую сторону бы я ни поворачивался, и я бросил попытки выяснить, что это. Нечто меня не трогало – просто наблюдало. Я немного посидел на полу, привалившись спиной к одной из дверей и пытаясь припомнить, не читал ли я где-нибудь о подобных ситуациях. Становилось холодно. Время не двигалось, словно снова в ожидании чего-то. Я подумал о том, что могло бы быть за каждой дверью, не будь там ровного ряда грязно-белых кирпичей. И вдруг мне отчетливо захотелось найти это место, которое скрывала кладка, найти вход и войти. И тогда дверь за моей спиной начала подаваться... я едва не упал назад.

Вскочив, я смотрел, как дверь медленно открывается внутрь, в зал, настолько огромный, что его стены и потолок терялись в темноте. Неподалеку от двери, в центре зала, стоял довольно большой каменный стол, похожий на жертвенник. Рядом со столом, в углублениях пола, горел неестественно багровый огонь, а вокруг него безмолвно стояли десятки высоких сутулых фигур со скрещенными на груди руками. Фигуры были закутаны в ободренные плащи с капюшонами – и все они были точь-в-точь, как посетитель моего первого сна.

Я скорее сделал шаг вперед, переступая через порог. Послышалось пение, однообразное, на высокой ноте, видимо, на латыни. «Посвящение тебя, – пели голоса. – Сегодня, завтра и навечно, здесь, там и везде». Я приблизился к жертвеннику уже настолько близко, что видел искры, вылетающие по его краям, где языки пламени лизали грубый песчаник – стенки широкого углубления, состоящего из нескольких полос, складывавшихся... в огромную свастику. Пол и стены, которые я видел, были испещрены знаками, рунами, отдельными

символами и целыми строками, которые я не мог прочитать. Огонь притягивал меня, манил подойти все ближе и ближе, прикоснуться к нему, сгореть в нем... Я протянул руку к огню и коснулся его. В первое мгновение я не ощутил никакой боли, а потом голова моя словно взорвалась изнутри и я потерял сознание...

... На следующий день я чувствовал себя еще хуже, чем накануне. Впрочем, никакой лихорадки или других признаков болезни у меня не было. Наверное, стоило показаться врачу, но, как назло, неотложные дела удерживали меня дома – нужно было согласовать детали одного довольно крупного контракта. Я прорабатывал документ, страница за страницей, но мысли мои были далеко. С ужасом я ждал вечера... Впрочем, совершенно напрасно. В ту ночь мне ничего не приснилось, и спал я отлично. То же самое было еще две ночи. Я немного оправился и стал чувствовать себя гораздо лучше, успокоившись и полагая, что эти сны были вызваны кратковременным переутомлением, пылью от документов, в которых я рылся, и чрезмерной работой за компьютером.

Однако в один из самых обычных дней я имел неосторожность задремать после обеда. Старее, черт возьми! Не подозревая ничего дурного, я подошел к любимому дивану, откинулся на подушки... и тут же оказался лежащим на полу в том огромном зале, в котором я потерял сознание, обжегшись о жертвенник. Надо мной стояла темная сутулая фигура в плаще с капюшоном. В одной руке у нее был короткий кривой нож; другая была обнажена по локоть. Меня мутило, голова нещадно кружилась – как после самого настоящего удара о камни головой. Человек приложил кривой нож; к венам на своей руке и полоснул. На меня потекла кровь. Другие фигуры продолжали петь хором высокими голосами, но уже на неизвестном мне языке, мерно раскачиваясь и приближаясь к нам. Завороженный таинственностью и величием этой сцены, я не мог даже шелохнуться. Неведомые темные существа выходили из всех теней, отделялись от стен, вставая за спиной людей в плащах.

– Чистая кровь великой нации. И теперь ты один из нас, – прошелестел склонившийся надо мною человек. – Ты один из нас, и отныне ты будешь думать, говорить и делать только то, что угодно Великому Темному Мессии. У тебя больше нет своей жизни, нет своих дел, нет ничего, что не служило бы Великому. Возьми. Это тебе – вместо отца и матери, вместо проклятия и благословения. Помни, что это часть Великого Мессии. И если Ему потребуется, именно этим ты отсецешь свою душу и отдашь Ему. Зиг!

С этими словами он вложил мне в руку небольшой остроугольный шероховатый предмет. Я схватил его и сжал, боясь выпустить из рук, боясь хоть на секунду расстаться с этой вещью, которая отныне значила для меня все. Я был полностью захвачен тем, что увидел и услышал. И вопреки всякому здравому смыслу был счастлив осознавать себя отныне частью этой великой и грозной темной силы, которой – еще не сейчас, но очень скоро – понадобятся все мои силы, вся моя жизнь. И я отдам их ей без малейших колебаний. Я буду подчиняться любым словам Великого Мессии и защищать его до последней капли крови. Я испытывал несказанное счастье и воодушевление, все крепче и крепче сжимая в руке небольшой остроугольный предмет, на ощупь больше всего напоминавший отточенный морем прибрежный камень. Огонь постепенно затухал, и фигуры, отходя все дальше от меня, растворялись в темноте стен.

Визит к врачу

Когда я проснулся, то, разумеется, никакого камня у меня в руке не было. Голова просто раскалывалась, я снова чувствовал себя отвратительно. До вечера я размышлял о своих снах. Списать их на чрезмерную увлеченность темой или свою излишнюю впечатлительность я не мог – иначе мне уже давно постоянно снились бы немецкие самолеты времен Второй мировой, субмарины, военные карты и ракеты «Фау». А также льды Антарктиды и вершины Тибета, безусловно. Но ничего такого в своих снах я не видел, как и ничего, подобного вчерашнему. К тому же я не отличался впечатлительностью и никогда не интересовался оккультными обрядами или обрядами посвящения в какую-либо секту или сообщество – а в том, что в этом сне меня посвятили в какое-то тайное общество, я уже не сомневался.

Следующей ночью мне снился тот же самый зал. Больше я никуда не падал, в этом сне я появился в точности в тот момент, как исчез из него накануне. Но в этот раз жертвенный стол был накрыт лиловой гладкой тканью, и никакой огонь в углублении-свастике на полу не горел. Фигуры расположились вокруг стола, я тоже стоял среди других у одного из углов.

– Помните, – глухим голосом наставляла фигура, стоящая во главе стола, – никто не должен пытаться прикоснуться к нему или спросить что-то, важное для него лично. Есть только один вопрос, на который мы хотим знать ответ, и только это должно занимать наши мысли. А теперь возьмемся за руки и вступим в круг.

Мы вступили в начерченный на полу круг и встали вплотную к столу. Главная фигура стала глухо читать на непонятном для меня языке нечто, напоминавшее ритмичные псалмы. Я вслушался. Язык больше всего походил на норвежский и одновременно с этим на искореженный до неузнаваемости немецкий. Стоявшая на столе металлическая посуда дрожала и звенела. Тем временем главная фигура все больше входила в экстаз, хрипло и бессвязно выкрикивая уже отдельные слова.

– Зиг! Зигрун! – наконец вскрикнула фигура и бессильно упала на край стола. Все замерло, и наступила почти полная тишина. Почти, потому что я слышал, как что-то шелестит в темноте за моей спиной, словно что-то жесткое или металлическое скользило по песчаннику пола или стен. Звук приближался. Будто бы лишившаяся чувств фигура приподняла голову.

– Что в будущем? – слабо выдохнула фигура. – Победа? Победа и единство Рейха?! – Голос ее креп, говорила фигура по-немецки. – Единство и сила с нами?

Никто не отвечал, но я вдруг почувствовал безнадежность и безысходность в этом молчании. Отчаяние охватило меня. Я знал, что и единство, и сила необходимы нам, чтобы выжить и победить. Кто такие «мы», в тот момент мне было понятно, однако, когда я проснулся, именно этого я вспомнить и не смог.

– Он ответил, – произнесла главная фигура и достала кривой нож; – Никому не выходить из круга, пока он не уйдет. Он еще пожалеет, что не стал помогать нам. – Далее я слышал только глухое бормотание и удаляющийся шелестящий звук...

Проснулся я внезапно, как от удара, и еще многие часы после пробуждения ощущал отчаяние и сожаление в самых дальних уголках своего разума. Бессилие пугало меня, я чувствовал, что совсем скоро меня ждет борьба до последнего. Но борьба с кем? Кулаки мои непроизвольно сжимались. Удивляясь самому себе, я совершенно не мог ни на чем сосредоточиться, бесцельно бродя из угла в угол.

Следующей ночью мне опять не довелось скучать. В конце концов, не мог же я не спать вообще, а другого способа не видеть снов я не знал. Сон был не таким мистическим, но не менее ярким. Я и еще десятка два человек, одетых в те же плащи, уже с откинутыми капю-

шонами, бежали по каким-то коридорам, поскальзываясь на поворотах. В одной руке у меня был короткий кривой нож; в другой я сжимал тот самый остроугольный камень. За одним из поворотов мы натолкнулись на воинственно настроенную группу людей, с факелами и кольями в руках. Мы стали яростно от них отбиваться. По необъяснимой для меня причине я ненавидел этих людей, похожих на обычных крестьян. Я колот ножом направо и налево, то промахиваясь, то попадая по отвратительно податливой человеческой плоти. Потом меня сбили с ног и несколько раз пнули.

В следующие мгновения я снова бежал по кривому коридору, спускавшемуся вниз, потом, согнувшись в три погибели, выскочил из какой-то норы в земле на ночной темный берег реки. Отчаянно глотая воздух, я понял, что медлить нельзя, и, спотыкаясь, помчался по еле освещенной луной кривой тропе все дальше и дальше от каменной громадины у меня за спиной. Больше всего эта огромная чернота напоминала средневековый европейский замок. Вокруг него метались какие-то люди с факелами, слышались крики, пальба. Я бежал прочь, повторяя про себя: «Мерзавцы. Грязная кровь. Глупцы. Не понимают, что они сами – главные враги для себя. Мы должны победить эту заразу среди нас, внутри страны. Но здесь, сейчас мы не сможем выжить. Они давят со всех сторон, мечтая задушить нас и Германию». В первый раз я произнес название страны, о которой непрестанно думал в каждом из снов. Никогда в жизни – и даже наяву – я не испытывал такой сильной ненависти к тем, «другим», людям, как в тот раз. Она рвала мое сердце на части, я плохо соображал и с трудом разбирал дорогу при свете низкой желтой луны. . . Острый камень, который я держал в руке, светился таким же лунным светом, как маленький фонарик. . .

«Еще парочка подобных экскурсий, и ты, Ганс-Ульрих, на недельку-другую выключишься из работы, залечивая свою большую голову, не дай бог, сердце или еще что-нибудь», – размышлял я наутро, растирая разламывающуюся поясницу, и эти мысли меня вовсе не радовали. Ни какой недельке-другой не могло быть и речи, надо было продолжать срочную работу, которой я тогда занимался. Время не ждало, и я должен был торопиться. Кроме того, я и так отложил на неопределенный срок полагавшийся мне в том году отпуск.

Безрезультатно потратив еще около часа на поиск таблеток от головной боли и радикулита, я решил, что мне все же придется поехать к врачу – я не мог себе позволить развития ситуации в худшую сторону.

Мой старинный друг доктор Мнишек Вондра, пожилой словак в очках и с эспаньолкой, родители которого приехали в Аргентину примерно тогда же, когда и мой отец, – у себя на родине они считались коллаборационистами, – выслушал меня очень внимательно.

– Вот что, мой дорогой Ганс, – сказал он с успокаивающей интонацией, проверив мое сердце и давление. – Физически ты в полном порядке для своего возраста. Но если сны действительно тебя сильно беспокоят, то, конечно же, необходимо принять меры. Вообще говоря, сны – это работа нашего сознания и одновременно с этим подсознания. Сознание создает сны из того, о чем мы недавно думали, что нас беспокоит, из информации, которой мы владеем, и даже из того, что, как нам кажется, мы помним очень плохо. Подсознание приносит в сны наши инстинкты, страхи, образы и неосознаваемые нами эмоции – все они бережно в нас хранятся, хотя и были изгнаны нами из сознательной памяти. То есть, проще говоря, сны отталкиваются от какого-либо ключевого момента, который был нами зафиксирован и спровоцировал сон. Постарайся вспомнить, когда и где ты читал, слышал или видел в кино что-либо подобное тому, что тебе приснилось во сне. И постарайся понять, какая цель у твоего сознания, когда оно повторяет тебе эту информацию в виде сна. Тот факт, что тебе продолжает сниться один и тот же сюжет с продолжением, означает, что эта тема – что-то действительно важное для тебя.

– Но я давно не занимался подобными исследованиями и не читал ничего похожего ни о каких таинственных обществах или магических практиках, – возразил я. – Все, что мне об этом известно, очень поверхностно и приблизительно. Честно говоря, во всю эту мистику я верил довольно слабо. То, чем я занимаюсь сейчас, никак не связано с этой темой и не могло бы заставить меня увидеть такой подробный четкий сон.

– Не забывай про подсознание, Ганс-Ульрих, – возразил доктор Вондра, утомленно потирая переносицу. Полным именем он называл меня обычно только тогда, когда беспокоился о моем здоровье. Тревожный знак! – Подсознание – это такая штука, которая многое воспринимает по-другому, и способно впитать в себя совсем другую информацию, а не ту, которую ты раскопал в своих архивах, прочитал и запомнил. Именно наше подсознание заставляет нас искренне верить в то, что мы «сознательно» чего-то хотим, придумывая массы рациональных причин для объяснения наших иррациональных подсознательных желаний и стремлений. Подумай, что особенного могло произойти незаметно от тебя и повлиять на тебя таким образом. А пока сделаем анализ крови, возможно, у тебя просто высокий холестерин.

Холестерин оказался в норме. И никакого ключевого момента, настолько впечатлившего мое подсознание, я в тот день так и не вспомнил. В ту ночь, возможно, благодаря успокоительному, которое мне дал доктор Вондра, я заснул и проснулся безмятежный, словно младенец. Впервые за неделю выспавшись, первым делом я решил сложить два и два в этой странной истории со снами.

Общую усталость и волнения по поводу очередной книги можно считать притянутой за уши причиной. К тому же, сознался я сам себе, дело было не только в снах. Наяву все тоже обстояло не очень гладко. Как бы я ни пытался отвлечься от снов днем, они странным образом полностью захватывали меня, заставляя вновь и вновь переживать те же эмоции, особенно последний сон.

«Сознание и подсознание, – размышлял я. – Если я не могу найти причину в себе, то, возможно, на них воздействует что-то или кто-то с какой-то целью. Вот почему я вижу эти сны и двигаюсь в своих знаниях и убеждениях, получаемых во снах, во вполне определенном направлении». Кто или что пытался сделать так, чтобы мне грезилась нацистская мистика? Книга о «Наследии предков» написана и издана, однако ничего уличающего кого-то конкретного в тяжелых преступлениях в ней нет, как не было приведено и убедительных, критически важных доказательств. Значит, некому и не за что мстить мне. Или есть за что? И тогда этот кто-то неясным образом старается воздействовать на меня. Но зачем? Свести меня с ума? Если я вдруг и наступил кому-то на большую мозоль или помешал каким-то делам неких могущественных лиц, не проще ли подстроить несчастный случай или что-то в этом роде?

После того что я увидел и почувствовал в снах и наяву за последнюю неделю, уже ничего не казалось мне абсурдным, и я принял эту версию как рабочую. Кто бы мог подумать, что моя рационалистическая и здравая концепция мировоззрения потерпит фиаско из-за каких-то дурацких снов!

Что ж, предположим, кто-то пытается воздействовать на мое сознание с определенной целью. Мысль бредовая, но других вариантов у меня не было. Значит, я должен выяснить, кто именно, с какой целью и каким способом это делает. И хотя беспокойство и сомнения по-прежнему не оставляли меня, это решение придало мне сил, потому что у меня снова была цель и появились вопросы, ответы на которые я должен был найти. Раз мои сны были связаны с нацистами, я и решил копать в первую очередь среди них.

Работает «Тор»?

Честно говоря, когда-то меня очень изумляла та безграничная власть над умами и настроениями немцев, которыми обладал Гитлер и его приспешники. Нет ничего удивительного в том, что фюрер был популярен в самые лучшие для его Рейха годы: ведь это естественно, что, когда Германия одерживала победу за победой, народ радостно благодарил своего предводителя. Но что сохранило благоговение немцев перед фюрером после сорок третьего года, после Сталинграда? Что заставило нацию сплотиться вокруг Гитлера в сорок четвертом, когда бомбардировщики Западного фронта ровняли с землей немецкие города, а сотни и тысячи немецких солдат гибли и попадали в плен на Восточном фронте, фанатично сражаться в сорок пятом, когда русские танки неотвратимо приближались к Берлину?

Этот феномен ученые пытаются объяснить несколькими причинами. Самое распространенное объяснение – непреодолимое обаяние самого фюрера, который заморочил голову несчастным немцам, а также дьявольски хитрая и совершенная машина пропаганды, созданная Геббельсом. И вроде бы эта версия вполне логична: и пропаганда работала на полную катушку, и фюрер не жалел сил, выступая перед нацией. Но сравним две на первый взгляд несравнимые даты – сентябрь 1939-го и сентябрь 1944 года. И в 1939-м, и в 1944-м пропаганда была отлажена безупречно, а вот реальная ситуация была совершенно разной. В 1939 году Германии противостояли сравнительно слабые противники, за плечами уже были первые убедительные и бескровные победы: присоединение Австрии и Чехии. То есть имелось более чем достаточно поводов для оптимизма. А в 1944 году даже самым ярым сторонникам фюрера должно было быть ясно, что страна неизбежно катится к поражению и уже ничто не может переломить ситуацию. На Восточном фронте одно поражение следовало за другим, на Западе союзники высадились в Нормандии, в небе над Рейхом кружили английские и американские самолеты. Одним словом, куда ни глянь, оснований для оптимизма нет, разве что зарыть голову в землю. И настроения немцев были в те дни совершенно другие... Однако помыслы их обращены вовсе не в ту сторону, в которую можно было бы подумать!

В 1939 году Германия была в унынии: народ заранее опасался поражения, и никакие убедительнейшие речи фюрера не могли добавить оптимизма и укрепить волю к победе. Даже солдаты на фронте воевали не самым лучшим образом, имели место случаи паники – и это в Польше, где шло активное наступление. На Западном фронте немцы играли с французами в футбол и чуть ли не братались между собой. В 1944-м ситуация была совершенно иной. Немецких солдат били на всех фронтах, а их боевой дух только крепчал, не было ни паники, ни уныния, ни подавленности. Пропаганда становилась все примитивнее и грубее, но ей фанатично верили. Солдаты на фронте отчаянно сражались, гражданские в тылу работали, не жалея сил. Странно, не правда ли? Одной пропагандой это не объяснишь, да и не работает пропаганда, если на голову тебе падают вражеские бомбы.

Другие версии пытаются убедить нас, что немцы отчаянно сражались только от безысходности, думая, что в случае поражения их всех, без сомнения, уничтожат. Честно говоря, не очень верится. Во-первых, если солдаты не верят в свою победу, их моральный дух низок, а у немцев в то время он был высок как никогда. Во-вторых, независимые исследования, проводимые буквально за считанные дни до краха нацистской Германии, в апреле 1945 года, убедительно показывали, что больше половины немцев все еще верят в конечную победу своей страны. А это уже никуда не годится! Известно, что надежда умирает последней, но ведь всему есть предел! К тому же, как показывает практика, солдаты часто сдаются в плен, даже зная, что их там ждет неминуемая гибель, опять же надеясь на лучшее. Так римские легионеры сдавались германцам после разгрома в Тевтобургском лесу, прекрасно зная, что впереди их ждет мучительная смерть.

Американцы любят объяснять фанатичность немцев тем, что те попросту боялись прихода в Германию русских. Разумеется, боялись, но вот каждый день немецкого сопротивления только давал русским все больше шансов захватить страну. Упорное сопротивление немцев на Западном фронте с точки зрения этой версии совершенно нелогично: ведь чем быстрее в Германию придут англичане и американцы, тем меньшую часть страны захватят русские. Так что и это объяснение тоже не выдерживает никакой критики.

Изучая немецкие документы, я все больше убеждаюсь в том, что немецкие граждане той поры словно стали послушными зомби, идущими за своим фюрером. Никто не пытался оказывать сопротивления диктатору, а маленькую группку офицеров, совершивших покушение на Гитлера в июле 1944 года, осудили большинство немцев.

В чем же были истинные причины этих удивительных фактов? Найти ответ на этот вопрос мне помогли упоминания в изученных мною документах об Институте физики сознания – крайне засекреченной организации, работавшей в рамках «Аненербе». Известно, что институт был сформирован на скорую руку и должен был создать оружие нового поколения – психофизическое. Задача, которую поставил рейхсфюрер СС Гиммлер, состояла в разработке способа не убивать людей, а «всего лишь» контролировать их сознание. В одном из своих писем он описал проект следующим образом:

В руках фюрера должно оказаться средство, способное контролировать сознание любого количества людей. Он должен быть в состоянии внушать свою волю как отдельному человеку, так и целым массам, целым народам. Эти массы, эти народы должны беспрекословно выполнять волю фюрера.

Эти слова сказаны в начале 1941 года, а всего лишь несколько месяцев спустя институт уже приступил к работе. И чем же он занимался?

О разработках психофизического оружия в Третьем рейхе известно очень мало. Как я могу утверждать, в первую очередь потому, что разработки «Аненербе» были впоследствии захвачены победителями и стали теперь уже их секретным оружием. Мне лишь по чистой случайности удалось выйти на след проекта, который в «Аненербе» проходил под кодовым названием «Тор» – в честь одного из древних германских богов. И по сегодняшний день в моих знаниях о нем множество белых пятен.

Итак, задача психофизического оружия – обеспечить его обладателям власть над волей и сознанием людей. Впервые о подобных разработках стало известно после того, как в Швейцарии в 1959 году небольшим тиражом вышла книжка под названием «Молот Тора». Она была очень и очень похожа на банальную «желтуху», написанную ради денег и кратковременной сенсации, если бы не два обстоятельства. Во-первых, автором книжки был Вильгельм Альпенталь – ассистент известного физика, одного из ведущих сотрудников «Аненербе» Карла Маура, возглавлявшего Институт физики сознания. А во-вторых, сразу же после того, как книга появилась на прилавках, почти весь тираж; был моментально скуплен неизвестными, а сам автор месяц спустя утонул в Женевском озере при довольно туманных обстоятельствах. До наших дней случайно сохранилось лишь несколько экземпляров издания, один из которых я и обнаружил в сейфе моего отца.

Альпенталь говорил о том, что в недрах «Наследия предков» было создано оружие, дающее безусловную власть над людьми, над сознанием и волей. При этом якобы были использованы некие знания неземного происхождения...

Речь идет о наследстве рода Виллигутов – предков руководителя отделения древней германской истории «Аненербе» Карла Марии Виллигута, а именно: о табличках, которые Виллигут хранил в строжайшей тайне до 1941 года, когда он, уступив уговорам Гиммлера, передал их в распоряжение института. На табличках, согласно легенде, были записаны древние языческие ритуалы, позволявшие обрести огромную власть над умами людей. Однажды

фотокопии этих табличек попались на глаза Мауру. Тот внимательно их рассмотрел – и ахнул: таблички представляли собой не что иное, как сложнейшие схемы и формулы, описывавшие доселе неизвестные науке явления. При этом не больше половины табличек находилось на уровне современной физики, а остальные, очевидно, были пока еще недоступны пониманию современных ученых.

Именно на основе текстов этих табличек и были созданы так называемые психофизические аппараты. На расшифровку рунических символов ушло немало времени, но зато потом многое из того, что содержалось в табличках, стало ясным. Принцип работы аппаратов основывался на использовании торсионных полей, состоящих из множества элементарных частиц, образующих вихревые потоки. Торсионные поля напрямую воздействовали на гипофиз и находящиеся в нем нервные центры, контролирующие волю человека.

Мне, человеку рационально мыслящему, тогда было очень трудно поверить в это. Однако документы, которые со временем накапливались в моем личном архиве, подтверждали правдивость этой истории. Тем не менее я не исключаю, что глубокий смысл табличек не более чем легенда, а вот в существовании психофизических (или, как их еще иногда называли в стенах «Аненербе», техномагических) аппаратов сомневаться уже не приходится.

Итак, этот проект получил название «Тор». Эксперименты в рамках проекта проводились на заключенных «подсобного» концлагеря института. Огромный, размером с коттедж, прибор был тщательно замаскирован под уютный усадебный домик, и мало кто смог бы догадаться о его истинном предназначении. Спустя некоторое время в 1944 году сотрудники Маура приступили к опытам над людьми. Исследовать приходилось методом проб и ошибок, поскольку механизмы воздействия прибора на организм человека еще предстояло изучить. Через некоторое время у Маура и его команды уже получалось полностью подавить волю человека, так, что тот не мог совершать какие-либо движения, а особо чувствительные даже лишались при этом сознания. Постепенно стало удаваться и заставлять людей выполнять простейшие действия. Однако на то, чтобы изучить все эффекты торсионного поля и создать мало-мальски работоспособный техномагический аппарат, требовалось время. Маур назвал десять лет – срок, который ему требовался для дальнейших исследований, после чего можно будет ставить психофизические системы на вооружение. Но у него не было даже и года. Означает ли это, что проект провалился?

Обратимся к реальной исторической ситуации того времени. В январе 1945 года русские совершили бросок на запад – от Вислы к Одере. Это был один из тех мощных ударов, что приблизили конец и без того уже расшатанного здания Третьего рейха. Продвижение танковых колонн русских было столь стремительным, что в их руки попадали аэродромы с целыми и невредимыми самолетами, склады боеприпасов, мосты... Однако нельзя сказать, что немецкие солдаты сдавали оружие без боя. Совсем наоборот! Сопротивлялись немцы отчаянно, но порой им просто не хватало знаний и выучки. К примеру, 408-я народно-гренадерская дивизия, сформированная из ополченцев, фанатично удерживала небольшой городок Альтштадт. Командир русского 4-го гвардейского механизированного корпуса, который атаковал эту дивизию, вспоминал впоследствии:

В районе Альтштадта мы столкнулись с весьма серьезным сопротивлением противника. Хотя перед нами были только пенсионеры и школьники, сражались они до последней капли крови. Чтобы избежать собственных потерь, нам приходилось продвигаться вперед аккуратно и медленно. Тем не менее части корпуса все же оттесняли противника к окраинам городка.

К северу от Альтштадта находилась роща, которую враг оборонял с особым упорством. Причины были нам неясны. Помимо ополченцев здесь были и воины СС, которые сражались еще фанатичнее. Обойти рощу не

было возможности, потому что тем самым наступающие части подставили бы врагу свои фланги.

Когда первые танки ворвались на опушку рощи, в глубине ее раздалось несколько сильных взрывов, будто бы противник взорвал какой-то важный склад. После этого, как по мановению волшебной палочки, ситуация изменилась: фашисты начали в массовом порядке складывать оружие. Уже через сорок минут мы прошли Альтштадт, захватив большое количество пленных. На лицах немцев были написаны испуг и растерянность.

В роще мы обнаружили остатки какого-то небольшого сооружения. Немцы взорвали его основательно, поэтому понять, что это такое, было невозможно. Руины небольшого здания на приличном расстоянии были окружены несколькими рядами колючей проволоки, стояли караульные вышки. Явно не склад – тогда что же? Радиолокационная система? Командный пункт?

Русские танки двинулись дальше на запад, а к странному объекту прибыли люди из Москвы, но и им не удалось установить назначение загадочного прибора. Расспросы местных жителей показали, что этот объект построили люди в форме СС чуть больше года назад. Тогда же возле городка были поставлены и высокие антенны с ретрансляторами. Следует сказать, что сеть таких антенн, похожих на ретрансляторы радиосигналов, в то время покрывала всю Германию, однако она была много гуще, чем требовалось для обеспечения надежной радиосвязи. Сами немцы объясняли потом наличие большого числа антенн потребностями системы противовоздушной обороны – детский лепет, не выдерживающий никакой критики.

Объекты, аналогичные тому, что русские обнаружили под Альтштадтом, были найдены по всей Германии – всего чуть больше десятка. Все они были взорваны, и ни один из них не был захвачен в исправном состоянии, причем даже классифицировать объект никак не удавалось – и по руинам было ясно, что это не может быть ни одним из известных типов военных объектов. Для исследования руин взорванных объектов американцы создали специальную комиссию. Через два года, в течение которых комиссия работала в условиях строжайшей секретности, был представлен отчет. Среди прочего в нем было указано:

Не удалось с высокой степенью достоверности установить, идет ли речь о радарх особого, неизвестного пока типа или о каких-то иных приборах. Мнения ученых, входивших в состав комиссии, разделились. В наше распоряжение попало слишком мало фрагментов для полноценного изучения. Однако были установлены весьма странные факты – прямая связь существования объектов с ожесточенностью германского сопротивления в конкретном районе. Так, разгром группировки вермахта в Руре состоялся после того, как соответствующий объект в данном районе был поврежден авиабомбой. В Западной Чехии, где объект сохранялся дольше всего, германское сопротивление продолжалось и после капитуляции Рейха. Эти странные явления позволяют говорить о том, что изучаемые объекты каким-то образом воздействовали на боевой дух германских частей и гражданского населения.

И если вспомнить разработки в рамках проекта «Тор», все сказанное становится не такой уж фантастикой, как может показаться на первый взгляд. Значит, психофизическое оружие все-таки было создано?

Здесь я уже не мог обходиться своими силами и, для того чтобы продолжать исследования, написал письмо известному аргентинскому физику, специализирующемуся на излучениях различных типов. Через несколько дней я получил ответ, который меня обрадовал:

Дорогой сеньор Кранц!

Это может показаться фантастикой, но различные волны действительно могут воздействовать на сознание человека. Это научный факт, подтвержденный многочисленными опытами. Разумеется, речь не идет о полном контроле над мозгом – до этого уровня наука пока не поднялась и, от всей души надеюсь, не поднимется никогда. Но сейчас мы можем вызывать у человека, в определенных рамках, страх, подавленность или, наоборот, эйфорию и душевный подъем.

Это вполне могло быть разгадкой! Немецкие физики, по какой-то причине в значительной степени опередившие уровень развития мировой науки, совершили неожиданный прорыв в одном из направлений-теории волн. И хотя проект «Тор», в частности из-за недостатка времени, не удался, у него вполне мог быть менее амбициозный, но более реальный «потомок». Мне неизвестно, как он назывался – проект «Тор-2» или «Один», или как-то еще, но я теперь уверен, что он действительно существовал. Уверенности добавлял и тот факт, что в рамках Института физики сознания существовала не одна, а несколько рабочих групп, которые, очевидно, трудились над разными проектами. И те странные взорванные приборы были результатом этого проекта – излучателями, настроенными на одну волну – боевой дух, фанатизм и волю к победе. То, что при наступлении врага установки взрывались, приводило к тому, что моральный дух войск и населения падал, оборона разваливалась – но иного пути не было. Нацисты не могли допустить попадания принципиально нового оружия в руки противника. Некоторое время я был совсем не уверен в таких выводах: я сомневался, что немецкие ученые могли настолько обогнать мировую науку, которой до сих пор не создано ничего подобного. И только потом я понял, что это не так. Психофизические установки существуют, просто об этом, естественно, умалчивается.

Разработки в данной сфере вели (и продолжают вести) все крупнейшие мировые державы. Судя по доступным мне источникам, США обладают таким оружием с 1980-х годов и, возможно, использовали его в холодной войне, в способствовании краху коммунистической России и в последующих локальных войнах – например, против Ирака.

Слово – скептикам

Когда я раздумывал о проекте «Тор», рационалистическая часть моего разума торжествовала, в то время как неуловимая мысль не давала мне покоя. Нечто смутное продолжало преследовать меня, заставляя думать, что я совершаю ошибку, пытаюсь объяснить происходящее со мной с позиции относительно привычных для меня, хотя и не рациональных с обывательской точки зрения, вещей. И что я вовсе не буду рад, если вдруг обнаружу что-то по-настоящему новое и не вмещающееся в рамки известного мне до сих пор, и что подобное поведение недостойно истинного исследователя. Промучившись пару дней, я отправил электронное письмо своему давнему знакомому – профессору Алеку Исидоросу с кафедры теории строения личности и механизмов поведения человека Аргентинского национального университета в Буэнос-Айресе. В письме я изложил свои выводы и заинтересовался мнением профессора о масштабах и глубине влияния на поведение человека психофизического оружия, подобного тому, что, по моему мнению, было создано в Третьем рейхе.

Ответ от моего знакомого не заставил долго себя ждать и пришел к вечеру того же дня. Письмо гласило:

Дорогой Ганс-Ульрих!

Мне чрезвычайно приятно узнать, что Вы все так же упорно ищете правду о прошлом своей страны, и было весьма интересно прочесть результаты произведенных Вами исследований в области, которая меня занимает. Однако вынужден заметить, что в данном случае Ваше упорство и Ваш светлый ум достойны лучшего применения. Дело в том, что сравнительно недавно завершилось подробное исследование, посвященное возможности глубокого воздействия на человеческую психику и поведение, проведенное группой моих коллег из Аргентины, Бразилии и Австралии. В результате было установлено, что ряд внешних факторов, таких как цвета, свет, звуки и запахи, способен влиять на настроение человека и испытываемые им эмоции, однако механизм подобного влияния тесно связан только с воспоминаниями и ассоциативными рядами, заложенными в памяти каждого человека. И, следовательно, воздействие это будет разным по степени и по эмоциональной окрашенности. Относительно глубокое воздействие на психику и поведение человека возможно только при длительной обработке человеческого сознания при помощи определенных технологий – рекламы, пропаганды и т. д. Эти технологии направлены на создание и сохранение в человеческой памяти определенных ассоциативных рядов, и в том числе на воздействие через бессознательные, животные механизмы. Подобное воздействие должно проводиться постоянно, регулярно и в значительном объеме. В противном случае воздействие на сознание со временем ослабляется и исчезает. Здесь я вынужден еще раз подчеркнуть, что воздействие должно быть длительным, а возникает и исчезает оно постепенно. Помимо этого, такое воздействие является образным, то есть заставляет человека видеть и усваивать определенные образы, проводимые через его сознание и доводимые до уровня условных рефлексов. То, что Вы пишете о возможностях моментального воздействия на сознание с помощью волн и полей, при всем моем уважении к Вам кажется мне полной несурезицей! Известно, что электромагнитные возмущения, как природного, так и искусственного характера, могут вызвать у человека недомогание и головную боль, но

не более того! Помимо этого, такое воздействие распространяется на изначально чувствительных людей с довольно нестабильной психикой и поведением, в особенности на женщин, детей и пожилых людей, а никак не мужчин, тем более в экстремальных для человека условиях войны. Отмечу, что данное воздействие может носить только негативный, угнетающий психику характер. Никакое воздействие, кроме глубокого внутреннего убеждения, сформированного длительным воздействием на сознание, подсознание или личным интересом, не могло заставить немцев до конца сохранять фанатичную преданность и волю к победе, о которой Вы говорите. Воздействие, если оно и было в той ситуации и привело к таким непревзойденным результатам, могло идти только через сформированные долгими, долгими годами механизмы, а никак не включаться и выключаться одной кнопкой или рубильником какого бы то ни было аппарата.

С уважением, Алек И.

Компетентность и многолетний опыт моего знакомого я не ставил ни под малейшее сомнение. Тем более что другие исследователи, которых я опрашивал впоследствии, сказали мне примерно то же самое: согласно новейшим исследованиям, все разговоры о создании психотронного оружия не более чем ненаучная фантастика. И могу сказать, что это письмо огорчило и обрадовало меня одновременно. Мой логичный вроде бы вывод оказался основательно потрепан, но я чувствовал, что привычная для меня логика в данном случае будет бессильна и мне придется смотреть на вещи намного шире, чем принято среди архивных исследователей моего типа. Предпоследняя фраза письма заставила меня серьезно задуматься. Что за механизмы могли быть заложены в обычных немцах в те времена, когда не существовало еще навязчивой телевизионной рекламы, а нацистская пропаганда исчислялась одним десятилетием, а вовсе не «долгими, долгими годами», о которых говорил профессор?

А если оставить в стороне все те рациональные вещи, к которым я привык? Если верить не тому, что написано в учебниках и книгах, которые я в изобилии прочитал за свою жизнь, а своим собственным глазам и ощущениям? Разумеется, я мог сказать, что у меня не оставалось иного выхода, как поступить именно так. Но выход у меня был: продолжать год за годом ханжески повторять прописные истины, много раз повторенные теми, у кого не хватило мужества взглянуть в глаза непривычному, необъяснимому с обыденной точки зрения. То есть фактически перестать искать правду, а значит, перестать быть исследователем.

Подробно записав и обдумывая еще и еще раз свои сны, а также полистав соответствующую литературу, я пришел к выводу, что остроугольный камень, который мне вручили во время моего «посвящения», есть не что иное, как священная руна, которая вручалась всем членам нацистских и околонуцистских оккультных обществ двадцатых и тридцатых годов. Мне предстояло еще раз обратиться к табличкам Виллигутов, потому что меня не оставляло ощущение их причастности к происходившему в то время и попросту потому, что иной связи между руной из моих снов и попытками манипуляций сознанием, на версию о которых я все же чрезвычайно рассчитывал, у меня на тот момент не было.

Глава 2

Во что верили нацисты?

Руна нашлась!

Несколько часов подряд я перечитывал оригинальные документы, связанные с табличками Виллигутов, пытаюсь отыскать информацию, которая, возможно, была упущена. Однако что-то не давало мне покоя, причем настолько сильно, что через пару часов сосредоточиться на чтении стало совсем невозможно, и я принялся систематизировать сложившуюся ситуацию.

«Что дано: переутомившаяся архивная крыса вроде меня, – размышлял я, потирая виски, – плюс возраст. Что еще дано: логически четкие сны мистического характера, содержащие информацию, доселе мне неизвестную, но оказывающуюся вроде бы связанной. Началось все это неделю назад, когда я занимался... Чем же я занимался неделю назад?» Я начал вспоминать. Как всегда, работал с документами из сейфа, никуда не ездил. Чинил перекрытия на чердаке, так как под сейфом они совсем прогнили, и я опасался, что тяжелый ящик просто рухнет вниз. Поэтому я вынул из сейфа все и передвинул его к стене...

Какой же я осел! В первый раз за все время я вынул из сейфа все, что там было! Я вскочил и, невзирая на раскалывающуюся голову, буквально взлетел по лестнице на чердак. Судорожно порывшись в содержимом сейфа, сложенном аккуратной кучкой на брезенте возле стены, я нашел то, что искал: небольшой грязный сверток, который я тогда, осмотрев, отложил в сторону «на потом». В свертке среди пыли и каких-то отвратительного вида серых комочков лежал полотняный мешочек на шнурке... а в нем был небольшой остроугольный камень... Я сразу понял, что это была именно руна, и вот почему. Во-первых, я все-таки видел руны, подобные этой, которыми были помечены документы из сейфа моего отца. А во-вторых, я много раз видел рисунки и фотографии рун в книгах, посвященных древнегерманским и североевропейским религиям. Руна удобно легла в руку, и, похолодев, я понял: это тот самый остроугольный камень, который я получил в своем сне во время посвящения. «Помни, что это часть Великого Мессии, – вспомнил я жуткий шелестящий голос, – тот, которым ты отсечешь свою душу...»

Стараясь не кашлять от вонючей пыли, поднявшейся от мешочка, и не выпуская из руки руны, я спустился вниз. Под настольной лампой я рассмотрел свою находку еще раз. Камень был чистый, шероховатый и как будто... новый. Обнаружив руны, я, как ни странно, успокоился. Зацепка была найдена и снова требовала от меня рациональных и последовательных действий для ее изучения. Я сфотографировал руны со всех сторон, прикладывая к ней линейку, чтобы затем отправить снимки специалистам.

В свое время исследования в области оккультных корней «Аненербе» достаточно тесно свели меня с Яном Хедгекофом, историком, специализирующимся на древнегерманской истории. Довольно длительное время Ян изучал также религиозные «ереси» Германии XIX – начала XX века. Познакомились мы с ним в историческом музее в Берлине несколько лет назад, где он в ту пору работал младшим научным сотрудником, – симпатичный светловолосый молодой человек, который, казалось, не думал и не говорил ни о чем другом, кроме древнегерманской истории. Тогда мне и в голову не могло прийти, что у меня будет повод возобновить это знакомство.

Я извлек из толстой кожаной визитницы карточку Яна и подумал, как хорошо, что у меня есть привычка хранить контакты всех людей, с которыми когда-либо встречался. Бер-

линский номер Яна не отвечал, а в музее мне сказали, что Ян не работает у них уже больше двух лет. На этом первый этап поисков можно было бы считать окончанным, но я припомнил, что некоторое время назад я встречал его фамилию на одном из новостных порталов в Интернете. Через несколько минут после начала поиска в глобальной Сети я уже читал статью, посвященную открытию, сделанному Яном. Статья размещалась на узкоспециальном веб-сайте по вопросам древнегерманской истории, и непонятно вообще, почему эту новость разместил один из ведущих новостных порталов. Странные случайные совпадения все-таки не давали мне сбиться с пути ни на шаг. Статья была посвящена ранней ариософии, а под статьей был указан электронный адрес Яна. Естественно, я не замедлил написать ему. На мое письмо с фотографиями руны я получил от Яна такой ответ:

Дорогой герр фон Кранц!

Я безмерно рад получить от Вас такую интересную информацию. Я внимательно изучил присланные Вами снимки руны и могу точно сказать, что это руна Вольфсангель («волчий крюк»). Первоначально она использовалась в древнегерманских, а также древних северных религиях для отпугивания вервольфов – волков-оборотней. В нацистской рунической символике эта руна стала символом свободы и независимости арийцев. На начальных этапах становления нацистской партии руна составляла часть ее эмблемы, а позже перешла на форму одной из дивизий СС («Дас Рейх»). Есть также сведения о том, что подобная руна – выполненная из металла или камня – должна была быть у каждого члена нацистской подпольной организации «Вервольф», однако мне до сих пор не удалось найти ни одного такого образца. Известно только, что для этой организации, как и для 34-й добровольческой пехотной дивизии СС «Ландштурм Нидерланд» (правда, в несколько модифицированном варианте), эта руна была базовой. Сегодня эта руна сохранилась на гербе немецкого города Вольфштайн. Она напоминает более известную руну Зиг, широко использовавшуюся в нацистской символике, однако она вовсе ей не тождественна.

По Вашей просьбе опишу и некоторые другие популярные в нацистской символике руны – все они относятся к скандинавским рунам футарк. Очевидно, что нацисты пытались использовать магические свойства этих рун, применяя их везде – от флагов до обмундирования и личных перстней. Самый известный символ нацизма – это, разумеется, свастика, или руна Хаккенкройц. Этот символ солнца и света встречается практически во всех религиях от Китая и Индии до викингов. Второй наиболее известный символ нацистов – а именно СС – это руна Зиг, символ победы. Другие руны – это Гер (символ единства, встречалась на форме одной из дивизий СС), руна Опфер (использовалась ассоциацией немецких ветеранов и инвалидов СС) и руна Эйф (символ целеустремленности и усердия, была знаком самых высокопоставленных приближенных Гитлера, в частности его адъютантов). Вообще согласно древним скандинавским поэмам «Воллуста» и «Хавамал», бог Один (более любимое нацистами имя – Вотан) познал тайну волшебных рун после акта самопожертвования, когда он висел на мировом дереве Игдрассиль, пронзенный копьем. Определенные сочетания рун, сложенные в заклинания, могли даровать бессмертие, победу и успех. Помимо этого, использовались руны Лебен (жизнь) и Тотен (смерть). Лебен была символом общества «Лебенсборн», которое занималось расовыми вопросами, и института «Аненербе», о котором была одна из Ваших последних книг. Руна Тотен использовалась на нацистских надгробиях

вместе с руной Тир – символом войны. На личных кольцах офицеров СС встречались руны Хайльзеххен (символ успеха) и Халгалла (символ веры в истинность нацизма, также использовалась на свадьбах). Наконец, одной из самых одиозных и таинственных – наряду с Вашей руной Вольфсангель – была руна Одал, обозначающая единство крови и расовую чистоту. Разумеется, мне нет нужды просить Вас бережно хранить Вашу находку, я уверен, что у Вас она будет в большей безопасности, чем даже в национальном музее истории. Ваша руна, как и прочие, является и прямым, и косвенным доказательством языческих корней нацистской «религии».

Я поблагодарил Яна и продолжил далее последовательно изучать всю доступную мне архивную информацию, посвященную религиозной «базе» нацистских убеждений.

Одна забытая религия

В первую очередь, разумеется, я обратился к религиозным концепциям, которые пользовались успехом у нацистов. Известно, что Гитлер хотел основать собственную религию, но ведь ничто не возникает на пустом месте. Рискну вызвать волну возмущения, но ведь и христианство, в конце концов, имеет древнееврейские и древнеегипетские корни. Так что фюрер и его сподвижники должны были на чем-то основываться, на каких-то более ранних образцах. Впрочем, об этих древних верованиях я кое-что уже знал.

Наиболее известная из них – ирминистическая религия, та самая, которую, по преданию, вытеснило христианство, – была все же одной из многих религиозных концепций, которые обсуждались в рамках института. Подобных концепций было несколько, и все они были похожи по форме, но все же довольно сильно отличались друг от друга. Думаю, именно эти разногласия и стали причиной того, что мир, увидев нацизм, так и не увидел новой, нацистской религии, предполагавшейся стать антиподом христианства. Более того, нацистам приходилось волей-неволей мириться с христианской церковью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.